

Kaip žuvo Olya ir gimė folkloras

ALEKSANDRA ARCHIPOVA

2004 m. Sergejus Jurjevičius Nekliudovas seminare apie miesto dainas davė namų užduotį: išnagrinėti kokį nors tekstą. Praėjus beveik porai metų, namų užduotis pagaliau buvo atlikta¹.

Рябов	Спойте. Я заплачу. (Дает ему деньги.) <...> Давайте-ка старинное.
Слепой	Старинное... Старинное... (Поет.) Все васильки, васильки...
Рябов	Ё, куда хватил... Ну ничего, ничего. Продолжайте.
Слепой	(Поет.) Все восильки, восильки, Много мелькает их в поле, Помню, у самой реки Я собирал их для Оли. Низко головку наклонит: Милый, смотри, восилек Твой поплывет, мой утонет...

.....
1 Straipsnis parašytas remiant projektui NVO-RFBR 05-06-89000a. Darbas nebūtų atliktas be kiroviečių kolegų T. Nikolajevos, V. Koršunkovo, V. Semibratovo, taip pat kolegų iš Kirovo srities kraštotyros muziejaus pagalbos. Renkant medžiagą yrač daug padėjo V. Napolskich.

Vertėjo pastaba. Straipsnis „Как погибла Оля и родился фольклор“ skelbtas leidinyje: «Кирпичики»: фольклористика и культурная антропология сегодня: сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности, сост. А. С. Архипова, М. А. Гистер, А. В. Козьмин, Москва: РГГУ, 2008, p. 432–455. Verčiant tekstas buvo koreguotas pagal *Tautosakos darbų* autoriams teikiamus nurodymus (užsienio autorių pavardės rašomos originalo forma, nurodomi kai kurie vardai, sutvarkyta iš rankraščių ir interneto pateikiamų dainų skyryba, patikslinti literatūros ir šaltinių sąrašai).

Рябов Да... Грустная история.

Спасибо.

(Александр Вампилов. *Утиная охота*)

Folkloristikos klausimų klausimas – nustatyti, kaip gimė vienas ar kitas folklorinis tekstas, kokie vidiniai mechanizmai ar išorės sąlygos lėmė tai, kad radosi nuo žmogaus prie žmogaus klaidžiojantis ir pagal tam tikrą scenarijų atliekamas tekstas. Žinoma, neretai susiduriame su folkloro kūriniais, kurie, palyginti su literatūriniais jų prototipais, menkai tepakito (pavyzdžiui, romansas „Juodasis šalikas“), bet tai viso labo tik reiškia, kad dar pirminiame prototipe būta tų tendencijų (miesto romanse – pirmiausia tai meilės konfliktas), kurios svarbios folklorinei tradicijai. Kaip elgtis su literatūriniu prototipu, jei konflikto, esančio pasirinkto kūrinio folkloriniuose variantuose, literatūriniame variante nėra, o pats kūrinys tarsi „niekuo dėtas“? Galimi du požiūriai. Pirmuoju požiūriu, folklorinio teksto gimimas iš literatūrinio yra stochastinis procesas [t. y. toks procesas, kurio kitimas priklauso nuo atsitiktinumo – P. K.]; antruoju – šis procesas yra kryptingas, ir jis apibrėžiamas, tam tikra prasme netgi *valdomas* folkloro kaip klišės reikmės: literatūrinis tekstas bus verčiamas folkloriniu, kiekvienam literatūriniam motyvui arba vaizdui ieškant tam tikro folklorinio atitikmens, nes niekaip kitaip nei literatūrinis motyvas, nei literatūrinis vaizdas folkloriniu netaps. Jei laikysimės pirmojo požiūrio (o jo šalininkų yra gana daug), į aptiktus „Vosilkų“ folklorinius variantus mums beliks žvelgti nieko nesiaiškinant. Tačiau jei pokyčiai buvo ne atsitiktiniai, bet kryptingi (t. y. jei pripažįstame tekstų raidą), turi keistis visi teksto lygmenys – ir leksika, ir semantika, ir pragmatika.

[P]aprastai būna neaišku, koku būdu knyginiis kūrinys tampa folkloriniu ir kas pirmasis redaguoja literatūrinį prototekstą (atrenka bei perdėlioja posmus ir eilutes, jų „prirašo“ ir pan.), autorinį eilėraščių paversdamas folklorine daina. Ir jau visai neapčiuopiami tradicijos atsišakojimai, vedantys naujų, pirmiausia – siužetinių, jau sufolklorinto kūrinio versijų link. Dar niekas neaprašė, kaip šis procesas vyksta iš tikrųjų (Неклюдов 2005).

Vis dėlto kodėl toks itin paprastas eilėraštis² davė akstiną gana turtingai romansinei tradicijai? (O kiek ji yra turtinga, spręskite patys iš straipsnio gale pridedamo Priedo.) Pirmiausia tai lėmė „išorinės“ socialinio ir kultūrinio pobūdžio priežastys.

.....

2 Aleksejaus Apuchtino eilėraštis „Pamišėlis“ (Апухтин 1991, № 237) – *vert. past.*

ROMANSAS, MELODEKLAMACIJA, DAINA IŠ KINO FILMO

Aleksejaus Apuchtino eilėraštis „Pamišėlis“ buvo parašytas 1890 metais. Gana greitai gimė melodeklamacinė Nikolajaus Kiršbaumo versija. Kūrinyms buvo toks populiarus, kad jį deklamuodavo (arba pagal jį kurdavo scenos vaizdelius) visiškai skirtingų socialinių grupių žmonės (pradedant karo lakūnais ir baigiant kaimo teatrų aktoriais). Netrukus pasirodė ir „liaudiškų“ versijų – Priede yra keletas 1932 ir 1936 metų variantų. Esama liudijimų, kad jų būta ir XX a. pirmojo dešimtmečio pradžioje (Финагин 1927), bet apie ankstyvesnius variantus spėlioti sunku, nes tokių albumų išlikę tik vienas kitas. Štai ištrauka iš atsiminimų (kalbama daugmaž apie 1917–1924 metų laikotarpį), kaip „Vosilkas“ dainavo beglobiai:

[R]audonajame kambaryje rinkosi prieglaudukai. Jie sėdosi ant suolų, rąstgalių, spietėsi prie krosnelės... Mergaitės ir berniukai įdėmiai klausėsi suaugusiųjų, kai kada pritardavo ir patys. Pamenu, kad kartu dainavo „Drąsiai kovon visi“, „Vien tik vosilkų žiedai“, „Kur svyra virš sietuvos gluosniai“ (Шефнер 1983).

Priminsime, kad šio eilėraščio melodeklamacija, skelbta visuose ikirevoliuciniuose „Skaitovuose–deklamuotojuose“, buvo labai populiarūs estrados dainininkų ir šiaip mėgėjų dainuoti ar deklamuoti repertuaruose (pavyzdžiui, Pavelo Orleniovo):

Kartais mūsų seminarijoje rengdavo literatūrinius ir vokalinės-instrumentinės muzikos vakarus. Kokie jie būdavo įdomūs! Kai kurie deklamuotojai buvo stulbinantys artistai. Solncevas pritrenkiamai skaitydavo Apuchtino „Pamišėlį“!³

Tradicija deklamuoti Apuchtiną gyvavo iki XX a. vidurio. Štai 1944 metų karo lakūno atsiminimai:

Pūga siautė kelintą parą, o mūsų kambaryje tai žiebėsi, tai tilo gyvi ir triukšmingi pokalbiai. Vakarop pas mus vis užsukdavo Semionas Žarovas, įnešdamas į naujos draugijos atmosferą kažkokią lyrinę srovę, nes nekantriai laukdavo tos akimirkos, kai jam bus leista pamaloninti mus Apuchtinu. Neįsivaizduojama keistenybė: iš nesibaigiančios aibės poetų savo dievuku išsirinkti tuomet beveik pamirštą Apuchtiną!

Žinoma, geriausias Semiono repertuaro kūrinys buvo „Pamišėlis“. Semionas stovėdavosi į kertę ir, atsižvelgdamas į siužetą, vos dviejų žingsnių erdvėje sustingdavo tai didinga poza:

3 Митрополит Вениамин (Федченков). „Школа, общество и Церковь“, Вениамин (Федченков), митр. *Россия между верой и безверием*, prieiga per internetą: <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=697>.

Вы знаете, на днях
Я королем был избран всенародно...,

tai tragiška – užlauždavo ir iškeldavo rankas, pirštais braukdamas per lubas, nuo kurių pasipildavo trūnėšiai su blakėmis:

Все васильки, васильки –
Красные, желтые всюду...,

blaškydavosi iš vienos pusės į kitą (Решетников 2004: 302).

Šio eilėraščio (melo)deklamacija galiausiai sukūrė tam tikrą mažąją meninę tradiciją – keliuose kultiniuose tarybiniuose filmuose, *parodijuojant* personažo artistišumą ar pseudoartistiškumą, rodoma eilėraščio „Pamišėlis“ deklamavimo scenelė. Pavyzdžiui, filmo „Karnavalas“ veikėja, kurią vaidina Irina Muravjova, priėmimo komisijai bando perskaityti kaip tik šį eilėrašį; arba kitas pavyzdys – iš Juriiaus Germano romano „Mano mielas žmogus“:

– Mulks! – tarė Aščen. – Savimylas idiotai! Volodia, juk išties Zinutė gerai deklamuoja? Jinai anksčiau deklamuodavo, kai buvo jaunutė, – „Pamišėlį“, rodo, Apuchtino, ir tą, žinote, „Sakja Muni“. Negirdėjote? Zinutė jums kada nors padeklamuos!

Ir ji parodė, kaip Bakunina skaito eiles. Tam Aščen Ovanesovna išpūtė juodas akis, perkreipė burną, pasitraukė sienos link ir sušuko:

Поздно, вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и впились,
Колот своими листьями...

– Лепестками! – pasufleravo Zinaida.

– Cha! – grėsmingai suurzgė Aščen. – Cha!

Рвется вся грудь от тоски,
Боже, куда мне деваться?
Все васильки, васильки,
Как они смеют смеяться?

– Kietai? – paklausė ji Volodią.

– Jau kad kietai, tai kietai, – atsakė Ustimenka (Герман 1990).

Visgi šio eilėraščio likimą tikriausiai lėmė ne tiek Apuchtino teksto (melo)deklamacija, kiek kino istorija. Pirmojo dešimtmečio pabaigoje po brolių Auguste'o ir Louiso Lumière'ų pirmųjų fejerišku kino bandymų į Rusiją ateina kinas. Kadangi kinas – nebylusis, o kadrai rodomi vos keletą minučių, išpopuliarėja gramofono įrašais įgarsinamos trumpos, nuo penkių iki penkiolikos minučių trukmės, scenelės. Pirmasis toks filmas – operatoriaus Aleksandro Drankovo „Žemupio laisvūnai“ („Понизовая вольница“ / „Стенька Разин“, 1908), rusų liaudies dainos „Nuo salos į sraunią upę“ („Из-за острова на стрежень“) ekranizacija – buvo rodomas skambant Michailo Ipolitovo-Ivanovo muzikai, įrašytai į gramofono plokštelę.

Natūralu, kad „siužetiniai romansai“ tokiu atveju buvo pranašesni. Taip gimsta *dainos iš kino filmo* žanras. Valerijus Bosenka pažymi:

Kad ir kaip būtų keista, bet per dvylika rusų ikirevoliucinio kino metų į Rusijos ekranus kismet buvo išleidžiama po keletą filmų, dažniausiai – tiesiog dainų ekranizacijų arba juostų, kurių pavadinimuose sąmoningai naudota lengvai atpažįstama dainiška pradžia. <...> Užtat įprastinio kino triukų ir raiškos priemonių rinkinio visiškai pakako, kad būtų galima į ekranus perkelti populiariausių, daugiausia XIX a. antrosios pusės ir amžių sandūros, poetų eilėraščių ir dainų sąvadą. Čia pirmavo N. A. Nekrasovas – „Generolas Toptyginas“ („Генерал Топтыгин“, 1910), „Kromininkai“ („Коробейники“, 1910, pakartotinė ekranizacija 1917), „Lichač Kudrevič“ („Лихач-кудрявич“, 1911), „Šaunusis sodininkas“ / „Neklajojau su blokštu aš miške gūdžiam“ („Огородник лихой“ / „Не гулял с кистенем в дремучем лесу“, 1911), „Vargana ir puošni“ / „Kaip smukai iki tokio gyvenimo“ („Убогая и нарядная“ / „Как дошла ты до жизни такой“, 1915), „Oi, daluže mergelės“ („Ой, ты доля девичья“, 1916) pagal žinomą dainą „Tarp aukštųjų javų...“ („Меж высоких хлебов...“) ir dramatiška chrestomatinių eilėraščių „Ar aš gatve tamsia naktį važiuoju...“ („Еду ли ночью по улице темной...“, 1916) iliustracija (Босенко 2001: 285–293; taip pat žr. Гусев 1991).

V. Bosenka specialiai pabrėžia išskirtinį Apuchtino populiarumą šiame žanre:

Tarp žiūrovų populiarumu ir geidžiamumu neatsilikio A. N. Apuchtinas. Jo eiliuotas monologas „Pamišėlis“ buvo pašėlusiai paklausus: „Mania grandiosa“ (kiti pavadinimai – „Didybės manija, arba Pamišėlio užrašai“ („Мания величия, или Записки сумасшедшего“), „Vosilkos“ („Васильки“⁴, 1910), „Pamišėlis“ („Сумасшедший“, 1910, pakartotinė dviejų scenų ekranizacija), „Pakvaišęs iš meilės“ („Сумасшедший от любви“, 1911), „Pamišęs filosofas“ („Сумасшедший философ“, 1911), „Pamišėlio užrašai“ („Записки сумасшедшего“, 1913; taip pat neatmestina, kad šis filmas buvo N. Gogolio kūrinio ekranizacija), „Tarp gyvenimo ir mirties“ („Между жизнью и

4 Atkreipkite dėmesį, kad jau šiame filme eilėraštis „Pamišėlis“ pavadinamas „Vosilkos“.

смертью“, 1914) ir dar kartą „Pakvaišęs iš meilės“ („Сумасшедший от любви“, 1914)“ (Босенко 2001: 285–293).

Apuchtino eilėraštis ypač mėgtas ikirevoliucinių nebyliųjų filmų kūrėjų. Pagal „Pamišėlio“ siužetą buvo sukurti net devyni skirtingi filmai, ir tai atitinka V. Bosenkos sąrašą (ten pat). Gaila, kad nė vienas iš jų, kaip ir pats žinomiausias (vieną iš „Pamišėlio“ ekranizacijų kūrė nebyliojo kino aktorius Piotras Čardyninas), sprendžiant iš visko, neišliko:

- A. Apuchtino „Pamišėlis“ – 9 filmai;
- A. Čechovo „Chirurgija“ – 7;
- A. Puškino „Poltava“ – 5;
- A. Puškino „Borisas Godunovas“ – 4;
- A. Puškino „Broliai plėšikai“ – 4;
- N. Gogolio „Pamišėlio užrašai“ – 4;
- A. Ostrovskio „Pelinga vietelė“ – 4;
- A. Maikovo „Paskutinis teisiamojo žodis“ – 4;
- F. Dostojevskio „Nusikaltimas ir bausmė“ – 4;
- N. Gogolio „Tarasas Bulba“ – 4;
- I. Šmeliovo „Žmogus iš restorano“ – 4;
- L. Tolstojaus „Karas ir taika“ – 3.⁵

Minėtu dešimtmečiu dainuojamasis folkloras kaip niekad smarkiai „susiliejo“ su masine kultūra *dainos iš kino filmo* žanro pavidalu – folklorinių ir sufolklorėjusių romansų kino versijomis, įgarsintomis gyvų aktorių balsais arba plokštelinių įrašais. Nors šis žanras gyvavo tik vieną dešimtmetį, bet per tą laiką susikūrė gausybė po provincijas su dainomis iš kino filmų keliavusių trupinių, kaip antai: V. Niglovo, D. Vaidos-Suchovijaus, A. Filbergo, S. Kramskojaus, A. Aleksejenkos trupės, aktorių Nadieždos ir Aleksandro Abro duetas. Tarp rusų liaudies dainų savotiškais šio žanro lyderiais laikoma dukart ekranizuota „Šaunusis pirklys“ („Ухарь-купец“, 1909, 1916; beje, vėlesniame filmo variante folklorinis šaltinis buvo pakeistas poetiniu Ivano Nikitino tekstu) ir triskart į ekranus perkelta baladė „Vanka raktininkas“ („Ванька-Ключник“, 1909 ir dukart 1916). Rusiškos trikinės (ir, kaip ir dera, jos lėkimo įspūdis ekrane) motyvas varijuotas čigoniško romanso įkvėptame filme „Aida, trikinke“ („Тройка“, 1912), „Štai lekia pašto

5 „Системная информация по отечественному кино: 1896–1996“, *Искусство кино*, 1996, № 4–5. Duomenys apie nebyliųjų kiną imti iš dviejų šaltinių: Вен. Вишневский. *Художественные фильмы дореволюционной России*, Москва: Госкиноиздат, 1945; Н. А. Лебедев. *Очерк истории кино СССР: немое кино (1918–1934)*, Москва: Искусство, 1965.

trikinkė“ („Вот мчится тройка почтовая“, 1915), „Įkinkysiu trikinkėn ristus bėrus žirgus“ („Запрягу я тройку борзых, темно-карих лошадей“, 1916). Savo tema prie jų šliejasi ir filmas „Kai aš pašte tarnavau vežiku“ („Когда я на почте служил ямщиком“, 1916) su siužetui būdingu herojaus „kelio“ pasakojimu. Išskirtinio žiūrovų susižavėjimo susilaukė kino juosta pagal iki šiol žinomą romaną „Vežike, neragink arklių“ („Ямщик, не гони лошадей“, 1916). Dukart filmu tapo rusų liaudies daina „Senuoju Kalugos keleliu“ („По старой калужской дороге“, 1911, 1917; be kita ko, antrasis jo scenarijus parašytas eilėmis). Tokių savotiškų ekranizacijų sąrašą galėtų papildyti tokie filmai, kaip „Paskutinę šią dienele“ („Последний нынешний денек“, 1911, pakartotinė ekranizacija 1915) ir „Kamaricos mužikas, arba Kasjanas varduvininkas“ / „Įžeistas Kasjanas“ („Камаринский мужик, или Касьян-именинник“ / „Касьян обижен“, 1911), „Chaz Bulatas“ („Хаз-Булат“, 1913) ir „Ach, kodėl ta naktis buvo tokia graži...“ („Ах, зачем эта ночь так была хороша...“, 1916), „Ir buvo dienos linksmos...“ („Бывали дни веселые, гулял я молодец...“, 1916), „Žiedą mielos mergelės [aš jūroj praradau]“ („Кольцо души-девицы [я в море уронил]“, 1916), „Ei, ūksim!“ / „Ažuolėlis“ („Эй, ухнем!“ / „Дубинушка“, 1916), „Tegu ir kapas mane nubaudžia“ („Пускай могила меня накажет“, 1917) ir „Stūkso Volgoj uola“ („Есть на Волге утес“, 1917). Negalėjo būti neekranizuotas ir garsusis čigonų romansas „Akys juodosios, akys degančios...“ („Очи черные, очи страстные...“, 1916). O melodrama „Ir kodėl taip myliu iš širdies“ („Почему я безумно люблю“, 1917) buvo tiesiogiai įkvėpta tuomet ne mažiau populiarus ir taip pat pavadinoto romano. Kino kūrėjai neaplenkė ir fabriko darbininkų dainos „Marusia nusinuodijo“ („Маруся отравилась“, 1916), ir publikos pamėgto bulvarinio miesto romano „Pražuvau aš, berniokas, pražuvau amžinai“ („Погиб я, мальчишка, погиб навсегда“, 1917) (Босенко 2001: 285–293).

Kaip matome, antrajame dešimtmetyje dirva Apuchtino eilėraščiui virsti folklorizuotu romanu „Vosilkos“ buvo jau labai gerai išpurenta, todėl nieko keista, kad eilėraštis „nusėdo“ į folklorą. Bet iškart kyla kitas klausimas: kaip eilėraščio siužetas (pamišėlis kliedi apie savo dukrą) virto romanu su klasikiniu meilės siužetu – įsimylėjęs nužudo savo mylimąją už (tariamą) išdavystę?

Siužeto tipai

Šiuo metu turime 31 folklorinę versiją, iš jų vienas tekstas užrašytas 1932 ir du – 1936 metais (juos vadinsime *ankstyvosiomis redakcijomis*). Patogumo dėlei visos versijos išskaidytos į temines grupes pagal siužeto tipą. Dviejų ankstyvųjų redakcijų tekstų toliau pateikiamoje lentelėje nėra, nes jų siužetas dar labai artimas Apuchtino kūriniai.

<i>Siužeto tipas</i>	<i>Variantų skaičius</i>
I. Olia plaukioja laiveliu su mylimuoju – mylimasis ją nužudo (nemotyvuotai).	8 variantai
II. Olia plaukioja laiveliu su mylimuoju – juokaudama sako mylimajam, kad jo nemyli – mylimasis ją nužudo.	7 variantai
III. Olia plaukioja laiveliu su mylimuoju – mylimasis ją kaltina išdavyste – mylimasis ją nužudo. Yra ir vienas povariantis: Olia plaukioja laiveliu su mylimuoju – sako mylimajam, kad jo nebemyli – mylimasis ją kaltina išdavyste – mylimasis ją nužudo.	9 variantai
Papildymas: „Niura“ – mergaitė Niura miršta nuo džiovos. Tekste yra daug citatų iš „Vosilkų“.	1 tekstas

Kaip matome, siužeto potipiai pasiskirsto beveik vienodai. Tiek vienam, tiek kitam siužetiniam variantui esama folklorinių atitikmenų.

Su II variantu (Olia plaukioja laiveliu su mylimuoju – juokaudama sako mylimajam, kad jo nemyli – mylimasis ją nužudo) galima sugretinti tokį, pavyzdžiui, tekstą:

*Взял красотку на колени,
Сказал: «Любишь ли меня?»
Ей уж тошно-невозможно,
Сказала: «Не люблю тебя!»
Тут моряк разгорячился,
Бросил девушку за борт.
Девка с русою косою
Трепеталась по волнам.
Трепетала, правой рученькой махала:
«Какой моряк злосчастный мой.
Нельзя и пошутить с тобой».*
(Адоньева, Герасимова 1996, № 101)

III variantą (Olia plaukioja laiveliu su mylimuoju – mylimasis ją kaltina išdavyste – mylimasis ją nužudo) galima palyginti su balade „Pavydus vaikinai“, kurią dar jaunas būdamas Elzase 1771 m. užrašė Johannas Wolfgangas Goethe, o Johannas Gottfriedas Herderis paskelbė „Liaudies dainose“:

Три звездочки на небе ясном
Сияют над милой три дня.
«Ах здравствуй, любимая, здравствуй!

Куда привязать мне коня».
 <....>
 «Ах, милая, как мне тоскливо
 И как тяжело на душе.
 Я слышал, под этою ивой
 Ты с кем-то сидела уже.»
 Не нож ли в руках очутился?
 Не острый ли это клинок
 Красавице в сердце вонзился?
 И брызнула кровь на песок.
 Он снял с ее пальца колечко,
 Он снял золотой перстенок
 И бросил в прозрачную речку,
 Что резво бежала у ног.
 «Кати-покати его речка
 До самых глубоких морей,
 Один я остался навечно,
 Уж нет любимой моей.»
 (Гутнин 1996: 84)

SEMANTIKOS POSLINKIS IR FOLKLORINIS PASAULĖVAIZDIS

Kaip žuvo Olia?

Priminsiu, kad Apuchtino eilėraštis „Pamišėlis“ („Садитесь, я вам рад“) yra pamišėlio monologas, skirtas tikriausiai jo aplankyti atėjusiai žmonai Mašai. Monologe minima dukra Olia. Vieną akimirką herojui nušvinta protas, ir jis pasako garsųjį monologą. Jokio meilės konflikto tekste nėra. Pamišėlio dukros Olios likimas nevisiškai aiškus, – jis kažkaip susijęs su pamišėlio kliedesiais apie rugiagėles. Galimas daiktas, kad rugiagėlių lauke, prie upės, jį ištiko pirmasis pamišimo priepuolis. O gal Olia⁶ kažkaip žuvo arba ir jis pats prie to kaip nors buvo prisidėjęs. Iš eilėraščio teksto žinome, kad kalbamoje dabartyje Olios tikrai nėra, nes pamišėlis, protui praskaidrėjęs, [žmonos] klausia, kodėl jos neatsivedė. Ir nors tekstas neleidžia tvirtai teigti, kad mergaitė mirusi, tačiau daug kas Apuchtino tekstą suvokia kaip tik taip. Antai vienas iš šio rinkinio autorių⁷, prisimindamas aptariamą tekstą, paklausė: *Kaip, argi ji nemirė nuo džiovos? Į mano klausimą: O kodėl būtent nuo džiovos?*,

6 Manytina, kad Olios vardas Apuchtino eilėraštyje skaitytoją dėl fonetinio panašumo nukreips į *Ofeliją* iš Williama Shakespeare'o pjesės, – abiejuose kūriniuose aktualu beprotystės tema.

7 Kalbama apie straipsnių rinkinį, kuriame paskelbtas ir šis rašinys (žr. 1-ąją išnašą) – *vert. past.*

pasigirdo visai logiškas atsakymas: *Todėl, kad „без конца целовал бледные ножки худые“*. Palyginkime kitus pavyzdžius:

O štai aš pamenu dainą, kurią dainuodavo senelė:

*Ох, васильки, васильки,
Много мелькает их в поле.
Помню, у самой реки
Мы собирали их с Олей.
Оленька бросит цветок,
Мило головку наклонит:
«Папа, смотри, василек
Мой поплывет, не утонет».
Я ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые
И без конца целовал
Бледные щечки худые...*

Šioje vietoje aš nenumaldomai raudodavau, nes mergaitė sunkiai sirgo ir turėjo mirti (ЖЖ 2005-1).

Pirmiausia reikia pasakyti, kad šitą dainą aš išgirdau iš senelio. (Senelis mėgsta dainuoti ir dainuoja puikiai.) Girdėjau aš ją vieną kartą. Paskui aš kimšdavausi ausis ir šaukdavau: „Seneli!!! Aš juk prašiau: niekada nedainuok šitos dainos!!! (ЖЖ 2005-2).

1936 m. dainos (eilėraščio) „Niura“ tekste (beje, iš to paties albumo, kuriame buvo ir du „Vosilkų“ variantai) mergaitė taip pat miršta nuo džiovos. Čia gausu sąsajų su „Vosilkų“ tekstais, ta pati ir eilėdara – trijų pėdų daktilis, nors „Niuros“ tekstuose jis dažnai suyra:

Нюра красива собою,
у Нюры большая коса,
но замечательно дивны
ее голубые глаза.
Глазки задумчивы были,
и ковалеры толпой
Нюрочку все окружили, –
Нюра гордилась собой.
Шапки, панамы и кепи
снимались и кланялись Нюре всегда.
Но береги, Нюра, глазки, –
глазки погубят тебя.

Нюра, не надо влюбляться,
Нюра, не надо любить:
любви ведь нельзя доверяться,
любовь ведь не любит шутить.
 Дошли и до Нюорчки слухи,
 что милый гуляет с другой.
 Нюорчка крикнула громко
 и тут же рассталась с душой.
 Сошла и с лица ее краска,
 Нюра, взгляни на себя:
 вот, что наделали глазки, –
 выдали сами себя.
 Нюра в чахотку уж вышла,
 Нюра в постели лежит.
 Но милый про это не знает,
 что Нюорчка плачет, грустит.
 Сложила прекрасные руки
 на исхудалую грудь,
 карие очи закрыла
 и больше уже ей не вздохнуть.
 Вот уж и месяцу проходит,
 крест одинокий стоит...
 Вот уж и холод осенний,
 вот и могилка твоя...
 Спи же, моя дорогая,
 Спи, не забудь же меня.
 (Чуркина 1936)

Akivaizdu, kad folklorinei tradicijai būtinais reikia iki galo išsiaiškinti Olios likimą. Apuchtino eilėraštyje pasakotojo dukra pina vainiką ir meta jį į upę. Folkloriniame pasaulėvaizdyje tai gali būti paaiškinta tik vienareikšmiškai:

Per Jonines vainikus pindavo? – Taip, pindavo vainikus, mergaitės pindavo vainikus. – *Su jais burdavo, mėtydavo į upę?* – Na, mėtydavo, aš jau to nežinau. Girdėt girdėjau, bet nežinau. – *Rugių nelankė?* – Vainikus pindavo iš geltonų žiedų, bet labiau vainikus pynė. Rugiuose būna vosilkų, žydrų vosilkų. Mėlynos tokios, žydros. Tai va, iš tų vosilkų pynė. Mergaitės pynė vainikus, eidavo pakrantėn. Iš pradžių prisiskindavo, paskui pindavo ant upės kranto. Ir mėtė, ten jau, matyt, ten jau kažkoks prietas buvo – aš jau... nežinau aš.⁸

8 Valentina Ignatjevna Pozdniak, g. 1938 m. Lekšmaboro k., ten gyveno iki 1952 m.; iki 1973 m. gyveno Ukrainoje, o nuo 1973 m. Lekšmos k.; baigusi 5 klases (užr. RVGU Folkloro katedros eksp.).

Be to, rugiagėlėmis burdavo apie meilę, o sapnuoti rugiagėles reiškė pasimatymą („Vasilkos būdavo, būrimas buvo: myli – nemyli, apspjaus – pabučiuos, priglaus prie širdies, sava pavadinins“⁹). Buvo ir iki šiol tebegyvuoja būrimo apeiga: per Jonines mergaitės meta vainiką (neretai rugiagėlių) į vandenį. Svarbiausia dichotomija tokia: nuskęs – tais metais mirs / įstrigs prie kranto – ištekės. O pačios rugiagėlės sietos su meilės pasimatymu. Tradicijos skleidėjo akimis, Olios rugiagėlių vainiko metimas upėn būtų suvoktas kaip savo pačios likimo būrimas. Matyt, dėl to pusėje tekstų, priešingai nei Apuchtino tekste, Olios rugiagėlė skęsta:

Олечка бросит цветок
В реку, головку наклонит...
«Папа, – кричит, – василек
Мой поплывет, не утонет?!»
(Апухтин 1991, № 237)

Оля цветочек возьмет,
Набок головку наклонит:
«Милый, смотри, василек
Твой поплывет, мой утонет...»
(Саров 1980?)

Miesto dainoje vainiko pynimas turi aiškią laidotuvių semantiką:

Сердце девушки гибель чуяло,
И веночек сплела для себя.
(Адоньева, Герасимова 1996, № 93)

Olia mėgo upę

Štai du ankstyvųjų redakcijų variantai. Pažymėtina, kad abu iš to paties albumo (Чуркина 1936 a, б). Vienas variantas įrašytas pirmajame puslapyje, antras – kone paskutiniame:

Все васильки, васильки,
много мелькает их в поле.
Помню, до самой реки
мы собирали для Оли.

Все васильки, васильки,
сколько их в поле мелькало,
до самой реки
мы собирали для Лели.

Оля любила реку,
ночью на ней не боялась.
Вспомню, она по весне
с милым на лодке
каталась.

Лелечка кинет цветков:
«Мой поплывет, не утонет».
Я ее на руки брал,
глазки смотрел голубые
и без конца целовал
бледные щечки худые.

9 Užrašyta Pešnikovo k. 1997 m.; sapnininkas priklauso Verai Michailovnai Mamontovai, g. Lazarevskajos k.; baigusi 7 klases.

Олечка бросит цветок,
к речке головку наклонит:
«Милый, смотри, василек
мой поплывет, не утонет».

Я ее на руки брал,
в глазки смотрел голубые,
губки ее целовал,
бледные ручки худые.

Как эти дни далеки,
долго ль таится я буду?
Все васильки, васильки...
Синие, синие всюду.

[Видишь,] смеются они,
слышишь, сползают по крыше.
Вот подползают ко мне,
лезут все выше и выше.

Позно, вошли, ворвались,
стали стеной между нами,
в голову так и впились,
колют ее лепесками.

Рвется вся грудь от тоски...
Папа, куда мне деваться?
Все васильки, васильки...
Как они смели смеяться?

Оля любила реку,
ночью она не боялась,
часто вечерней порой
с милым на лодке
катались.

Раз пригласил он ее,
Лелю на лодке кататься.
Оля согласна была,
нечего тут было стесняться.

Тихо отплыли они,
тихо по ветру помчались.
Оля не знала о том,
что тут опасность грозилась.

Милый тут вынял кинжал,
близко над Олей склонился.
У Оли веночек из рук покотился.

Труп ее бросил в реку,
сегодня лишь дальше поплыли,
и написал на груди:
«Олю любовь загубила».

Наутро пришли рыбаки,
Олю нашли у разлива.
Надпись была на груди:
«Лелю любовь загубила».

Pirmasis variantas daug artimesnis Apuchtino eilėraščiui negu antrasis tekstas, kuriame jau plėtojamas ištisas meilės konfliktas, o ne pavienės jo užuominos. Abiejuose variantuose yra ketureilis, niekaip nemotyvuotas Apuchtino teksto:

Оля любила реку,
ночью она не боялась,
часто вечерней порой
с милым на лодке катались.

Kam reikalingas šis, net 21 variante esantis, intarpas? Greičiausiai tam, kad būtinai reikia realizuoti vieną *bendrają vietą* – *mylimosios žūtį vandenyje* – taip siužetinė Olios žuvimo linija būtų pagrįsta logiškai.

Rusų folkloriniuose romansuose esama kelių *bendrujų vietų*, susijusių su vandeniu. Pirma, neištikimi ir palikti mylimieji žūsta ne kur kitur, o vandenyje (antroji pagal populiarumą žūtis – nuo „livorverio“, bet ji gerokai retesnė):

*Пойду я в море утоплюся,
Пускай волной меня несет.*

(Адоньева, Герасимова 1996, № 17)

*Через ты, моя малютка,
Пойду в море утоплюсь.
Долго русою косою
Трепетала по волнам.*

(Ten pat, № 22)

*Как по речке, по реке
Женский труп несется,
А на палубе матрос
Весело смеется.*

(Ten pat, № 59)

*Там, среди синия тины зеленя,
Женское тело плывет.
Труп там плывет и о камни толкается,
Мертвые смотрят глаза.
Платье бедняги о корни цепляется,
Ветка впилась в волоса.*

(Ten pat, № 108)

Antra, įsimylėjėlių porelė dažnai irstosi valtimi, dažniausiai – naktį, ir viskas paprastai baigiasi mirtimi:

*Вот причалилась лодка к берегу,
Вышла парочка в лес погулять,
<...>*

*Катя бедная из кустарница
Злобы, боли терпеть не могла.
И с ливорвером к милой парочке
С наведенным стволом подошла.*

(Ten pat, № 29)

Окрасился месяцу багрянцем,
 И волны бушуют у скал.
 «Поедем, красotka, кататься,
 Давно я тебя ожидал».
 <...>
 Меня обманул ты однажды,
 Сегодня тебя провела.
 И видишь, тот ножик булатный
 С собой я на память взяла».
 Всю ночь бушевала погода,
 Всю ночь бушевала река,
 Наутро приплыли два трупа
 И щепки того челнока.
 (Ten pat, № 33)¹⁰

Ir pagaliau – paprasčiausia žmogžudystė ant vandens iš pavydo:

Взял красотку на колени,
 Сказал: «Любишь ли меня?»
 Ей уж тошно-невозможно,
 Сказала: «Не люблю тебя!»
 Тут моряк разгорячился,
 Бросил девушку за борт.
 Девка с русою косою
 Трепеталась по волнам.
 Трепетала, правой рученькой махала:
 «Какой моряк злосчастный мой.
 Нельзя и пошутить с тобой».
 (Ten pat, № 101)

LEKSINIAI VIRSMAI

Taigi, lygindami Apuchtino ir folklorinius tekstus, galime pastebėti nemažai lek-
 sinių „virsmų“, palaikančių teksto folklorizaciją. Pirmasis eilėraščio ketureilis į
 folklorą perėjo beveik nepasikeitęs. Žinoma, archaizuotas *сбирали* tapo neutraliu
собирали, *помнишь* linkstama perdaryti į *помню*. Žodelis *да*, kuriuo pradedami

.....
 10 Ankstesnis šios dainos variantas užrašytas 1912 m. prie Baikalo, Irkutske (žr. *Труды Восточно-Сибирского РГО*, т. 7).

pamišėlio prisiminimai, ši fragmentą jungia su ankstesne eilėraščio dalimi, o folklorinėse versijose dažnai pakeičiamas emociingesniu *ax*:

Д а, васильки, васильки...	<i>Все васильки, васильки,</i>
Много мелькало их в поле...	<i>Сколько мелькает их в поле...</i>
П о м н и ш ь, до самой реки	<i>П о м н ю, у этой реки</i>
Мы их с б и р а л и для Оли.	<i>Мы с о б и р а л и для Оли.</i>
(Апухтин 1991, № 237)	(Саров 1980?)

Tėvo konfliktas su dukra romansuose yra retas reiškinys, todėl kreipinys į *tėvą* antrame ketureilyje paverčiamas kreipiniu į *mieląjį*:

Олечка бросит цветок	<i>Оля цветочек возьмет,</i>
В реку, головку наклонит...	<i>Набок головку наклонит:</i>
«П а п а, – кричит, – василек	<i>«М и л ы й, смотри, василек,</i>
Мой поплывет, не у т о н е т?!»	<i>Твой поплывет, м о й у т о н е т...»</i>
(Ten pat)	(Ten pat)

Trečiajame ketureilyje atsiranda frazė *я ее нá руки брал*. Paprastai ant rankų imamas vaikas arba sunkus ligonis. Tokia topika ne itin būdinga miesto romansui, todėl žodžių junginys *я ее н а р у к и брал* pakeičiamas visai dėsningai – *я ее з а р у к и брал*, ir tai iškart sukuria romansui taip reikiamą užuominą apie meilini-mąši. Bučiuoti kojas – elgesys irgi nebūdingas miesto dainai, nes apeliuoja į tėvo ir vaiko santykius, kurie folklorui visai neįdomūs. Atsiranda paaiškinamų variantų: *И без конца целовал // Бледные щеки худые* (var. ...*бледные губки худые* (!)). Tačiau frazė *ножки ее целовал*, kuria visiškai pažodžiui nusakomas veiksmas, tam tikra prasme siejasi su sustabarėjusiu žodžių junginiu *буčiuоти ко́жас* – ką nors garbinti, kam nors nusilenkti. Taip eilutė *След ее ног целовал* iššyk nuveda prie gimstančio meilės konflikto:

Я е е н á р у к и брал,	<i>Олю он з а р у к у брал,</i>
В глазки смотрел голубые.	<i>В глазки глядел голубые</i>
Н о ж к и е е ц е л о в а л,	<i>И без конца ц е л о в а л</i>
Бледные н о ж к и, х у д ы е.	<i>Б л е д н ы е щ е к и худые.</i>
(Ten pat)	<...>
	<i>«Я ли тебя не любил,</i>
	<i>Я ли тобой не гордился?</i>
	<i>С л е д т в о и х н о г ц е л о в а л,</i>
	<i>Чуть на тебе не женился.»</i>
	(Кулагина, Селиванов 1999, № 385)

Dviejų paskutinių ketureilių vaizdai tikriausiai ir provokuoja „įsiurbti“ į tekstą gana apibrėžtų folklorinių klišių. *Рвется вся грудь от тоски* galime suvokti tik kaip meilės ilgesį, o štai frazė apie rugiagėles, kurios pamišėlio kludiesyje jį apsupa, *bado žiedeliais*, gali kreipti prie minties apie užbadymą durklu dėl veiksmožodžio *колоть* ('badyti') leksinio valentingumo:

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и в п и л и с ь,
К о л ю т ее лепестками.

Миленький в ы н у л к и н ж а л
Над Оленькиной грудкой склонился
хлынула алая кровь

И синий веночек покатился
(Калашникова 1980)

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! куда мне деваться?
(Тен пат)

Милый тут в ы н у л к и н ж а л,
Низко над Лелей склонился.
Лёля закрыла глаза,
Труп ее в воду свалился.

(Тюменская обл. 1995)

Apuchtino frazė *Всё васильки, васильки... Как они смеют смеяться?*, matyt, prisidėjo ir prie šedevro *Любовь не умеет смеяться* atsiradimo (4 variantai):

Всё васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?

Любовь не умеет шутить,
Любовь не умеет смеяться.

(Филина)

* * *

Folklorinė stereotipija priveda prie to, kad semantinių valentingumų laukas susiaurinamas iki minimalaus asociacijų rinkinio, o tai irgi yra vienas iš pagrindinių folkloro ir literatūros skirtumų. Jis folklorui užtikrina palyginti stabilią tekstų transmisiją laike. Jei romanse metamas vainikas – tai tik žūtis; jei merginą kas nors bučiuoja – tai tik įsimylėjęlis, bet ne tėvas; moteriškas personažas pirmiausia bus mylimoji, kur kas rečiau – motina, ir t. t. Tai sąlygoja, kad Apuchtino eilėraštis „verčiamas“ į folkloro kalbą išlaikant tik „folklorinės cenzūros“ leidžiamas konotacijas.

Atsižvelgiant į neįtikėtiną „Pamišėlio“ ir kaip melodeklamacijos, ir kaip dainos iš kino filmo populiarumą nuo amžiaus pradžios iki 1920-ųjų metų, galima spėti, kad labai panašūs variantai galėjo rasti nepriklausomai vienas nuo kito, veikiami (a) tipologinių folkloro dėsnių, (b) žinomo „prototeksto“ (dainos iš kino filmo).

Įdomu, kad dabar jau folklorinis „Vosilkų“ tekstas kartais suvokiamas kaip tik-rasis Apuchtino kūrinys. Antai laikraščio *Кубань* skaitytoja paprašė: „Išspausdinkite mano mamos mėgstamiausią dainą „Vien tik vosilkų žiedai“. V. V. Makan, Maikopas, Chanskajos st.“ Redakcija prašymą patenkino – išspausdino folklorinį variantą, pridėjusi pastabą: „Pagal A. Apuchtino žodžius „Ach, tie vosilkų žiedai...“ (žr. *Кубань* 2005).

ŠALTINIAI

- ЖЖ 2005-1 – Tekstas iš interneto svetainės „Живой журнал“ (Livejournal.ru); pastaba: „От души.“
- ЖЖ 2005-2 – Tekstas iš interneto svetainės „Живой журнал“ (Livejournal.ru); pastaba: „Из песенников.“
- Ивановская обл. 1978 – 801 tekstas, užrašytas 1978 m. Ivanovo sr.; publikuotas: *Песни русских поэтов*, в двух томах, вступ. ст., сост., подгот. текста, биограф. справки и примеч. В. Е. Гусева, Ленинград: Советский писатель, 1988.
- Калашникова 1980 – Tekstas iš 1980 m. albumo; publikuotas: *Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов*, сост. А. Ф. Белоусов, Москва: Научно-издательский центр „Ладомир“, p. 375.
- Костромская обл. 1992 – 54 tekstas, užrašytas 1992 m. Kostromos sr.; publikuotas: *Русский жестокий романс: сборник*, сост. В. Г. Смолицкий, Н. В. Михайлова, Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1994.
- Круль 1950 – Tekstas užrašytas apie 1950 m.; publikuotas: С. Круль. *Без тебя сиротеет и рвется душа... (лирическая повесть-исповедь)*, prieiga per internetą: <https://www.proza.ru/2005/08/04-58>.
- Кубань 2005 – *Нива Кубани*, 2005, 28 окт., № 43 (853); skyrelis „Песни для души“.
- Кушова 1932 – Lilijos Kušovos, melioracijos technikum studentės, 1932–1933 m. sudarytas albumas (Вятка [nuo 1934 m. – Kirovas], Музей краеведения, Ф. КОМК Д. 36.932/1).
- Лекманов 1998 – Олег Лекманов. „Из девичьего песенника 70–80-х годов XX века“, *Новое литературное обозрение*, № 2 (30), prieiga per internetą: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/30/lek.html>.
- Пионерлагерный вариант – Prieiga per internetą: <http://www.kotjona.com/memory.htm>.
- Саров 1980? – Tekstas iš interneto svetainės „Наша дача“, prieiga per internetą: <http://dacha.wcb.ru/index.php?showtopic=5062>; pastaba prie dainos: „Когда-то в школьные времена записывали народные песни. Почти ничего, увы, не сохранилось, но этот шедевр, ИМХО, не должен быть забыт. Пели ЭТО еще до 17 года.“
- Семибратова, Родыгина – Užrašyta V. Semibratovo iš Jevdokijos Filipovnos Semibratovos, g. 1928 m. Petropavlovsko (Šugurako) k., Malmyžsko r., ir Valentinos Filipovnos Rodyginos, g. 1930 m. tame pačiame kaime.
- Тверская обл. 1990 – Užrašyta 1990 m. Tverės sr.; prieiga per internetą: <http://karavan.tver.ru/izergil/content/sado.php3>.
- Тюменская обл. 1995 – *Любимые песни*, вып. 4, Тюмень: ИПП «Тюмень», 1995, p. 78–79.
- Филина – Tekstas iš interneto svetainės „А-PESNI: песенник анархиста-подпольщика“, prieiga per internetą: <http://a-pesni.org/dvor/vasilki.php>; pastaba prie dainos: „Iššifuota Eleonoros Filinos fonograma iš kompaktinės plokštelės *В нашу гавань заходили корабли*, вып. 1, «Восток», 2001.“

- Шаев (фрагмент) – Kada tekstas užrašytas, nežinoma; paimtas iš: Анри Волохонский. *Забывшие песни*, prieiga per internetą: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj59/volohon.shtml>.
- Чуркина 1936 a, 6 – 1936 m. albumas iš asmeninės T. N. Nikolajevos kolekcijos; albume yra du „Vosilkų“ variantai (rašysena skirtinga) ir tekstas, pavadintas „Niura“.

LITERATŪRA

- Адоньева Светлана Борисовна, Герасимова Наталья Михайловна (сост.) 1996. *Современная баллада и жестокий романс*, сост. С. Адоньева, Н. Герасимова, Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха.
- Апухтин Алексей Николаевич 1991. *Полное собрание стихотворений*, Ленинград: Советский писатель.
- Босенко Валерий Иванович 2001. Старый „Сентиментальный романс“, *Киноведческие записки*, № 54, p. 285–293.
- Герман Юрий Павлович 1990. *Дорогой мой человек*, Москва: Правда.
- Гугнин Алексей Александрович 1996. „Народная и литературная баллада: судьба жанра“, in: *Поэзия западных и южных славян и их соседей: развитие поэтических жанров и образов*, Москва: Индрик, p. 74–92.
- Гусев Владимир Евгеньевич (сост.) 1988. *Песни русских поэтов*, в двух томах, вступ. ст., сост., подгот. текста, биограф. справки и примеч. В. Е. Гусева, Ленинград: Советский писатель.
- Калашникова Марина Владимировна 1998. „Альбомы детской колонии“, in: *Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов*, сост. А. Ф. Белоусов, Москва: Научно-издательский центр „Ладомир“, p. 363–398.
- Кулагина Алла Васильевна, Селиванов Федор Мартынович (сост.) 1999. *Городские песни, баллады, романсы*, сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова, вступ. ст. Ф. М. Селиванова, Москва: Филол. ак. МГУ.
- Неклюдов Сергей Юрьевич 2005. „Все кирпичики да кирпичики...“, in: *Шиповник: историко-филологический сборник к 60-летию Р. Д. Тименчика*, Москва: Водолей Publishers, p. 271–303.
- Решетников Василий Васильевич 2004. *Что было – то было*, Москва: ЭКСМО, Язуа.
- Смолицкий Виктор Григорьевич, Михайлова Наталья Владимировна (сост.) 1994. *Русский жестокий романс*, сост. В. Г. Смолицкий, Н. В. Михайлова, Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора.
- Финагин Алексей Васильевич 1927. „К вопросу об отношении художественной и бытовой песни“, in: *De musica: временник Отдела истории и теории музыки Государственного института истории искусств*, вып. 3, Ленинград: Academia, p. 62–69.
- Цивьян Юрий Гаврилович 1992. „Текст и жест: Борис Годунов в исполнении провинциальных актеров 1910-х годов“, in: *Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана*, Тарту: Тартуский университет, p. 208–225.
- Шефнер Вадим Сергеевич 1983. *Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде*, Ленинград: Советский писатель.

Iš rusų kalbos vertė Povilas Krikščiūnas

PRIEDAS

Васильки

Ankstyvosios redakcijos

	Кушова 1932	Чуркина 1936 а	Чуркина 1936 в
<p>А. Апухтин. Сумасшедший (фрагмент)</p> <p>Да, васильки, васильки... Много мелькало их в поле... Помнишь, до самой реки Мы их собирали для Оли.</p> <p>Олечка бросит цветок В реку, головку наклонит... «Папа, – кричит, – василек Мой поплывет, не утонет?!»</p> <p>Я ее на руки брал, В глазки смотрел голубые, Ножки ее целовал, Бледные ножки, худые.</p> <p>Как эти дни далеки... Долго ль томиться я буду? Всё васильки, васильки, Красные, желтые встоду...</p>	<p>Все васильки, васильки, Много мелькало их в поле. Помнишь, до самой реки Мы их собирали для Оли.</p> <p>Олечка бросит цветок в реку, Наклонит головку: «Папа, – кричит, – василек Мой поплывет, не утонет».</p> <p>Я ее на руки брал, В глазки смотрел голубые, Ручки ее целовал, Бледные ручки, худые.</p> <p>Как эти дни далеки, Долго ль томиться я буду? Все васильки, васильки... Красные, желтые встоду.</p>	<p>Все васильки, васильки, много мелькает их в поле. Помню, до самой реки мы собирали для Оли.</p> <p>Оля любила реку, ночью на ней не боялась. Вспомню, она по весне с милым на лодке каталась.</p> <p>Олечка бросит цветок, к речке головку наклонит: «Милый, смотри, василек Мой поплывет, не утонет».</p> <p>Я ее на руки брал, в глазки смотрел голубые, губки ее целовал, бледные ручки худые.</p>	<p>Все васильки, васильки, сколько их в поле мелькало. До самой реки мы собирали для Лели.</p> <p>Лелечка кинет цветок: «Мой поплывет, не утонет».</p> <p>Я ее на руки брал, глазки смотрел голубые и без конца целовал бледные щечки худые.</p> <p>Оля любила реку, ночью она не боялась, часто вечерней порой с милым на лодке катались.</p> <p>Раз пригласил он ее, Лелю на лодке кататься. Оля согласна была, нечего тут было стесняться.</p>

<p>Видишь, торчат на стене, Слышишь, сбегают по крыше, Вот подползают ко мне, Лезут всё выше и выше...</p> <p>Слышишь, смеются они... Боже, за что эти муки? Мапа, спаси, отгони, Крепче сожми мои руки!</p> <p>Поздно! Вошли, ворвались, Стали стеной между нами, В голову так и впились, Колот ее лепестками.</p> <p>Рвется вся грудь от тоски... Боже! куда мне деваться? Всё васильки, васильки... Как они смеют смеяться?</p>		<p>Как эти дни далеки, долго ль таится я буду? Все васильки, васильки... Синие, синие всюду.</p> <p>[Видишь,] смеются они, слышишь, сползают по крыше, вот подползают ко мне, лезут все выше и выше.</p> <p>Позно, вошли, ворвались, стали стеной между нами, в голову так и впились, коллот ее лепестками.</p> <p>Рвется вся грудь от тоски... Папа, куда мне деваться? Все васильки, васильки... Как они смели смеяться?</p>	<p>Тихо отплыли они, тихо по ветру помчались. Оля не знала о том, что тут опасность грозилась.</p> <p>Милый тут вынял кинжал, близко над Олей склонился, у Оли венок из рук покатылся.</p> <p>Труп ее бросил в реку, сегодня лишь дальше поплыли, и написал на груди: «Олю любовь загубила».</p> <p>Наутро пришли рыбаки, Олю нашли у разлива. Надпись была на груди: «Лелю любовь загубила».</p>
<p><i>Чуркина 1936, «Нюра»</i></p> <p>Нюра красива собою, у Нюры большая коса, но замечательно дивны ее голубые глаза. Глазки задумчивы были, и ковалеры толпой Нюрочку все окружили, – Нюра гордилась собой. Шапки, панамы и кепи снимались и кланялись Нюре всегда.</p>	<p><i>Кулагина, Селиванов 1999, № 385</i></p> <p>Все васильки, васильки, Много мелькает их в поле. Помню, у самой реки Мы собирали для Оли. Оля любила реку, Ночью она не боялась, Часто по целым ночам С милым на лодке каталась. Однажды он к ней подошел И пригласил покататься.</p>	<p>Коля вдруг вынул кинжал, Тихо над Олей склонился, Оля упала в реку, Веночек к ногам покатылся. Тихо все было вокруг, Тихо, все спит и не дышит, Только морская вода Олечкин труп все колышет. Наутро пришли рыбаки, Олю нашли у залива,</p>	

<p>Но береги, Нюра, глазки, – глазки погубят тебя. Нюра, не надо влюбляться, Нюра, не надо любить: любви ведь нельзя доверяться, любовь ведь не любит шутить. Дошли и до Нюрочки слухи, что милый гуляет с другой. Нюрочка крикнула громко и тут же рассталась с душой. Сошла и с лица ее краска, Нюра, взгляни на себя: вот, что наделали глазки, – выдали сами себя. Нюра в чухотку уж вышла, Нюра в постели лежит. Но милый про это не знает, что Нюрочка плачет, грустит. Сложила прекрасные руки на исхудалую грудь, карие очи закрыла и больше уже ей не вздохнуть. Вот уж и месяц проходит, крест одинокий стоит... Вот уж и холод осенний, вот и могилка твоя... Спи же, моя дорогая, Спи, не забудь же меня.</p>	<p>Оля согласна была, Он ей помог собираться. Тихо все было кругом, Лодочка к берегу плыла, Тихо все было вокруг – Оле опасность грозила. Оля веночек плела, Веночек плела васильковый, Коля смотрел ей в глаза, Взгляд его был невеселый. Олно он за руку брал, В глазки глядел голубые И без конца целовал Бледные щеки худые. Олно хотел он обнять, Оля ему заявила: «Коля, мой милый, прости, Я ведь тебя не любила». «Я ли тебя не любил, Я ли тобой не гордился? След твоих ног целовал, Чуть на тебе не женился. В жизни один только раз Я пред тобой провинился... Ты торопливо ушла, Я не успел извиниться». «Коля, не мучь ты меня! Коля, зачем эти муки? Лучше закрой мне глаза, Крепче зажми мои руки».</p>	<p>Надпись была на груди: «Олно любовь погубила». Ох, рыбаки, рыбаки, Зачем вы всю тайну открыли? Лучше бы Олин позор Волны морские сокрыли! Оля лежит на столе, Олечки больше не будет, Спи, мой цветок голубой, Коля тебя не забудет. Оля красива была, Русые косы вилился, Много из наших ребят За Олей–красоткой гналися. Коля ее полюбил, Но ревность к сопернику была, – Тот же, кто крепко любил, Того и рука погубила. Не надо так сильно любить, Не надо так сильно влюбляться. Любовь не умеет шутить, Любовь не умеет смеяться.</p>
---	---	--

Olia nužudoma be jokios priežasties

<i>Круль 1950</i>	<i>Костромская обл. 1992</i>	<i>Саров 1980?</i>	<i>ЖЖ 2005–1</i>
<p>Все васильки, васильки, Сколько мелькает их в поле! Помню, у самой реки Их собирали для Оли. Оля возьмет василек, Низко головку наклонит: – Милый, смотри, василек Твой поплывет, мой утонет! Милый тут вынул кинжал, Низко над Олей склонился. Оля закрыла глаза, Венчик из рук покатылся. Наутро пришли рыбаки. Олю нашли у залива. Надпись была на груди – «Олю любовь погубила».</p>	<p>Эх, васильки, васильки, Много мелькает вас в поле. Помню, у самой реки Мы собирали для Лели. Лёлочка цветик сорвет, Низко головку наклонит: «Милый, смотри, поплывет Твой василек и погонет». Лёля любила реку, Лёля воды не боялась, Часто вечерней порой С милым на лодке каталась. Лодку все дальше несло, Лодка сама путь открыла. Миленький вынул кинжал, Лёле опасность грозила. Миленький вынул кинжал, Тихо над Лёлей склонился, Лёля закрыла глаза, Венчик из рук покатылся.</p>	<p>Все васильки, васильки, Сколько мелькает их в поле... Помню, у этой реки Мы собирали для Оли. Оля цветочек возьмет, Набок головку наклонит: «Милый, смотри, василек, Твой поплывет, мой утонет...» Оля любила реку, Ночью ее не боялась, Часто по темным ночам С милым на лодке каталась. Однажды в студеную ночь Он пригласил прокатиться. Оля согласна была, Милый помог ей садиться. Вот отплыли далеко, Лодка сама их катила, Оля сидела бледна, Оленьке гибель грозила.</p>	<p>Всё васильки, васильки, Сколько растёт их там в поле... Помню, у самой реки Их собирали для Оли. Оля сорвёт василек, Низко головку наклонит: «Милый, гляди, василёк Твой поплывёт, не погонет». Оля любила реку, Ночью на ней не боялась. Часто по целым ночам С милым на лодке каталась. Он Олю за рученьки брал, В глазки смотрел голубые И без конца целовал В бледные щёчки худые. Наутро пришли рыбаки И Олю нашли у обрыва. Надпись была на груди: «Олю любовь погубила».</p>

	<p>Миленький Лёлю стубил, Лёля тогда замолчала. Тихо все было вокруг, Лёлю на волнах качало.</p> <p>Утром пришли рыбаки, Лёлю нашли у пролива. Надпись была на груди: «Лёлю любовь загубила»...</p>	<p>Миленький вынул кинжал, Низко над Олей склонился, Оля упала без чувств, И ручеек покатылся...</p> <p>Наутро пришли рыбаки, Олю нашли у залива. Надпись была на груди: «Олю любовь погубила».</p>	
--	---	---	--

Olia rajuoakauija

<i>Тверская обл. 1990</i>	<i>Калашникова 1980</i>	<i>ЖЖ 2005-2</i>	<i>Пионерлагерный вариант</i>	<i>Шаев (фрагмент)</i>
<p>Все васильки, василек, Сколько растёт их там в поле. Помню, у самой реки Их собирали для Оли.</p> <p>Оля сорвёт василек, Низко головку наклонит: «Милый, гляди, василек Твой поплывёт, не потонет».</p> <p>Оля любила реку, Оля воды не боялась. Часто по целым ночам С милым на лодке каталась.</p>	<p>Ах, васильки, васельки Сколько их выросло в поле, помню у синей реки я собирал их для Оли.</p> <p>Оля красивой была Синие ленты плелись Сколько за нею парней Гнались, да не угнались</p> <p>Помню из наших парней Олю назвал испугаться Оля любила его И не могла отказатьсь</p>	<p>Ах, васильки, васельки, Сколько вас выросло в поле! Вновь от зари до зари Вас собирают для Оли. Оля сорвёт василёк, Низко головку наклонит: «Он поплывет, поплывет, Но не утонет».</p> <p>Милый друг Коля пришел, С Олей хотел покататься. Оля любила реку И не смогла отказатьсь.</p>	<p>Ой, васельки, васельки, Сколько вас выросло в поле, Помню, у самой реки Мы собирали для Оли. Оля красива была, Оля реки не боялась, В темную ночь она с Мишей на лодке каталась. Миша ее целовал Миша ее целовал В алые губки родные: «Оля, ты любишь меня?» Оля смеясь отвечала: «Нет, не люблю я тебя, Быть я твоей не мечтаю».</p> <p>Милый тут вынул кинжал, Низко над Олей склонился...</p>	<p>Он ее на руки брал, В глазки смотрел голубые И без конца целовал В бледные щечки худые. «Оля, ты любишь меня?» Оля смеясь отвечала: «Нет, не люблю я тебя, Быть я твоей не мечтаю».</p> <p>Милый тут вынул кинжал, Низко над Олей склонился...</p>

И когдаплыли они, И лодка так быстро поплыла. Милый смотрел ей в глаза, Но взгляд его был невесёлый.	Оля ты любишь меня Оля шутя отвечала Нет я тебя не люблю И стаяя твоей не мечтала	Милый друг Коля спросил: «Любишь меня или нелюбишь?» Оля шутя отвечала: «Я о тебе не мечтала».	Мишенька вынул кинжал, Алая кровь пролилась. Утром пришли рыбаки, Олю нашли на равнине (обрыве), Надпись была на груди: «Олю любовь погубила».
«Оля, ты любишь меня?» Оля смеясь отвечала: «Нет, не люблю я тебя, И быть я твоей не желаю!»	Миленький вынул кинжал Над Оленькиной грудкой склонился хлынула алая кровь И синий веночек покатылся	Коля вдруг вынул кинжал, Низко над Олей склонился, Хлынула алая кровь, Веночек на землю скатился. Утром пришли рыбаки, Олю нашли у залива. Надпись была на груди: «Олю любовь погубила».	Надпись была на груди: «Олю любовь погубила».
Милый тут вынул кинжал, Низко над Олей склонился. Оля закрыла глаза, Синий веночек покатылся.	Олю нашли рыбаки Все у того же залива И надпись была на груди Что Олю любовь погубила.		Любовь не умеет шутить, Любовь не умеет смеяться.
Наутро пришли рыбаки И Олю нашли у обрыва. Надпись была на груди: «Олю любовь погубила».			

Olia neištikima

Туменская обл. 1995	Ивановская обл. 1978	Лекманов 1998	Кубань 2005	Филлина
Ах, васильки, васильки, Сколько вас выросло в поле. Вспомню, у самой реки Мы собирали их Лёле. Лёля цветочек сорвет, К речке головку наклонит:	Ах, васильки, васильки, Сколько мелькает их в поле. Вспомню, у самой реки Мы собирали их Лёле. Лёля цветочек сорвет, К речке головку наклонит:	Все васильки, васильки, Сколько ж растёт их в поле. Помню, у самой реки Я собирал их для Оли.	Ах, васильки, васильки, Сколько их выросло в поле, Помню, у самой реки Мы собирали их с Олей. Оля цветочек сорвет, Низко головку наклонит:	Ох, васильки, васильки... Сколько мелькает вас в поле... Помню, у самой реки Вас собирали для Оли.

<p>«Милый, смотри, василек Мой поплывет и потонет». Долго ходили они, Он предложил ей кататься, А когда к речке пришли, В лодку помог ей взобраться. Лёло он на руки брал, В глазки смотрел голубые, Без конца целовал Алые щечки худые. «Я ли тебя не любил, Я ли тобой не гордился, След твоих ног целовал, Чуть на тебя не молился. А ты изменила меня И другому отдалася». Милый тут вынул кинжал, Низко над Лелей склонился. Лёля закрыла глаза, Труп ее в воду свалился. Утром пришли рыбаки, Лёло нашли у прилива, Надпись была на груди: «Лёло любовь загубила». Ах, рыбаки, рыбаки, Тайну вы с Лелей открыли, Лучше бы вы, рыбаки, Труп ее в море пустили..</p>	<p>«Милый, смотри, василек Мой поплывет и потонет». Долго ходили они, Он предложил ей кататься, А когда к речке пришли, В лодку помог ей взобраться. Лёло он на руки брал, В глазки смотрел голубые И без конца целовал Алые щечки худые. «Я ли тебя не любил, Я ли тобой не гордился, След твоих ног целовал, Чуть на тебя не молился. А ты изменила меня И другому отдалася». Милый тут вынул кинжал, Низко над Лелей склонился. Лёля закрыла глаза, Труп ее в воду свалился. Утром пришли рыбаки, Лёло нашли у прилива, Надпись была на груди: «Лёло любовь загубила». Ах, рыбаки, рыбаки, Тайну вы с Лелей открыли, Лучше бы вы, рыбаки, Труп ее в море пустили.</p>	<p>Оля любила реку, Плавать она не боялась. Часто по целым часам С милым на лодке качалась. Раз он ее пригласил, На руки брал золотые И без конца целовал Мамины щеки худые. «Милый, прости-извини, Я уж тебе изменила! Милый, прости-извини, Я уж тебя разлюбила!» Милый тут вынул кинжал, Тихо над Ольгой склонился. Кровь полилася рекой, Веночек из рук покосился. Наутро пришли рыбаки, Тело нашли у залива. Надпись была на груди: «Оло любовь погубила!» Не надо так сильно грустить! Не надо так сильно влюбляться. Любовь не умеет шутить. Умеет только смеяться!»</p>	<p>«Милый, смотри, василек Твой поплывет, мой потонет». Долго ходили они, Он предложил ей кататься, К речке когда подошли, В лодку помог ей взобраться. Олю он на руки брал, В глазки смотрел голубые И без конца целовал Алые щечки худые. «Я ли тебя не любил, Я ли тобой не гордился, След твоих ног целовал, Чуть на тебя не молился, Но лучшие дни унеслись, Время пошло по-иному: Я умирал от тоски – Ты отдавалась другому». Милый тут вынул кинжал, Низко над Олей склонился. Оля закрыла глаза, Труп ее в воду свалился. Утром пришли рыбаки, Оло нашли у прилива, Надпись была на груди: «Оло любовь погубила...» Ах, васильки, васильки, Сколько их выросло в поле! Ночью у самой реки Мы собирали их с Олей...</p>	<p>Оля цветочек сорвет, Низко головку наклонит... «Милый, смотри, василек Вот поплывет и утонет». Оля любила его, Оля реки не боялась, Часто осенней порой С милым на лодке каталась. Он ее на руки брал, В глазки смотрел голубые И без конца целовал, В алые губки худые. «Оля, ты любишь меня?» Оля шутя отвечала: «Нет, не люблю я тебя, Быть я твоей не мечтала!» Милый вынул кинжал, Низко над Олей склонился, Хлынула алая кровь, Олин веночек покатылся. Не надо так много шутить, Не надо так много смеяться. Любовь не умеет шутить, Любовь не умеет смеяться. Ох, васильки, васильки... Сколько мелькает вас в поле... Помно, у самой реки Вас собирали для Оли.</p>
--	--	---	--	---

How Olya Died and Folklore Was Born

ALEKSANDRA ARCHIPOVA

S u m m a r y

The subject of discussion in this article comprises the ways in which a literary piece becomes folklore. In order to elucidate this, the author discusses a poem by Aleksey Apuchtin “The Madman” written in 1890, and its folksong versions. The original story depicting a father and his daughter perishing under suspicious circumstances turns into a story of a girl killed by her lover. In the first decades of the 20th century, this poem encountered immense popularity in Russia, including its frequent recitations under musical accompaniment and repeated screenings. Therefore, it is plausible to assume that similar folklore variants may have occurred independently, affected by typological folklore regularities, as well as by the well-known “proto-text” (songs from the movies).

If folklorization of an individual work is a purposeful process, it can be defined and even guided in a sense by the necessity of folklore as a cliché: the literary piece turns into folklore only when a certain folkloric counterpart is found for every literary motive or image. There is no other way for such literary image or motive to become folklore. This process requires changes on all the textual levels, including lexical, semantic, and pragmatic ones. The folklore stereotypization narrows the field of semantic valence to the minimum collection of associations. This makes one of the essential differences between folklore and literature, ensuring comparatively stable transmission of the folklore texts in the course of time, and granting that the poem by Apuchtin finds its way into the folklore language only bearing the connotations approved by the “folklore censorship”. Lay opinion is prone to perceive such folklorized text of *Vosilkos* (‘The Cornflowers’) as an original poem by Apuchtin.